

АВГУСТИН БЛАЖЕННЫЙ

О ЖИЗНИ
БЛАЖЕННОЙ

Блаженный Августин
Блаженный Августин
О жизни блаженной

Блаженный Августин Б.

О жизни блаженной / Б. Блаженный Августин — «Public Domain»,

«О жизни блаженной» - сочинение величайшего христианского проповедника и теолога Августина Блаженного Аврелия (лат. Aurelius Augustinus Hippoensis, 354-430). ***Существует страна блаженной жизни, чьей гавани достигнут те, кому знакома философия умиротворенной мудрости. Другими известными сочинениями Августина Блаженного являются «О бессмертии души», «Исповедь», «Письма», «О различных вопросах», «О порядке», «О количестве души» и «Монологи». Произведения гения теологической мысли Августина Блаженного Аврелия послужили основой для возникновения новых течений: христианского неоплатонизма и символизма.

© Блаженный Августин Б.

© Public Domain

Содержание

Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Августин Блаженный

О жизни блаженной

Эта, три дня веденная книга, содержит в себе состязания, посвященные Феодору, которые сводят дело к определению, что блаженная жизнь исключительно состоит в познании Бога.

Глава I

Предисловие

Посвящает книгу Феодору, и открывает ему, какими своего рода ветрами он загнан был в гавань христианской философии.

Повод к состязанию

Посвящает книгу Феодору, и открывает ему, какими своего рода ветрами он загнан был в гавань христианской философии.

Если бы, муж благосклоннейший и великий Феодор, в ту гавань, из которой вступают уже в страну и на почву блаженной жизни, приводили разумом данное направление (*кораблю*) и сама собою взятая добрая воля: то не знаю, имел ли бы я или не имел оснований сказать, что этой гавани тогда достигло бы гораздо меньшее число людей; хотя и теперь, как видим, входят в нее весьма редкие и немногие. Ибо когда Бог, или натура, или закон необходимости, или наша воля, или нечто иное с этим соединенное, или все это вместе (ибо вопрос этот весьма темный, хотя ты уже и взялся за его разъяснение) бросает нас как бы беспричинно и как пришлось в этот мир будто в некое бурное море; насколько и кто отдал бы себе отчет, куда ему нужно стремиться, какую стороною возвращаться, если бы когда-нибудь какая-либо невзгода, кажущаяся глупым несчастною, не прибила неведущих и блуждающих, против даже их воли, и вопреки принятому ими направлению, к земле желаннейшей?

Итак люди, которых философия может принять (в свою гавань), кажутся мне как бы тремя родами плавающих. Один из них те, которые с недалекого расстояния, где застанет их возраст, владеющий разумом, при помощи небольшого взмаха и удара весел уходят и укрываются в этом покойном месте; и оттуда остальным гражданам, кому могут, подают яснейший знак, что кому делать, дабы надоумленные этим стремились к ним. Другой род, противоположный предыдущему, представляют собою те, которые, обольстившись обманчивым видом моря, порешили выйти в открытое море, отважились плавать вдали от родины и часто ее забывают. Если таким (не знаю, как это бывает, но бывает чрезвычайно таинственным образом) подует ветер от кормы, считающийся благоприятным, — они доходят до величайших бедствий, гордясь и радуясь, что им постоянно льстит самое обманчивое ведро наслаждений и почестей. Чего, в самом деле, пожелать им в таких обстоятельствах, которые, подталкивая, улавливают их, как не дурной погоды, а, если мало, то и жестокой бури и противного ветра, который бы привел их, хоть плачущих и вздыхающих, но к радостям верным и прочным? Впрочем, из этого рода многие, еще не очень далеко забредшие, бывают приводимы назад некоторыми и не столь великими скорбями. Это те люди, которые, или вследствие печально-трагической судьбы своих богатств, или же вследствие досадливых неудач в мелких делах, как бы за неимением других занятий вчитавшись в книги людей ученых и мудрейших, пробуждаются некоторым образом в самой гавани, откуда уже не выманивают их никакие обещания коварно улыбающегося моря. Третий между этими род людей представляют собою те, которые на самом ли то пороге юности, или уже много и долго наносимые ветром, усматривают позади себя некоторые

знаки, вспоминают среди волн о своей милой отчизне, и ничем не обманываясь, нисколько не медля, спешат к ней по прямому направлению; а большая часть их, сбившись с прямого пути среди туманов, или располагая его по заходящим звездам, или обольстившись некоторыми соблазнами, откладывают время доброго плавания и блуждают далее; часто они подвергаются и опасности. Часто и их пригоняет к желаннейшей и мирной отчизне крушение скоропреходящих благ, как бы некая противная их усилиям буря.

Но все они, каким бы кто образом ни был принесен к стране жизни блаженной, должны крайне страшиться и с особою осторожностью избегать одной ужаснейшей горы, расположенной перед самою гаванью, которая причиняет и входящим великие опасности. Ибо она так блестит, таким облечена ложным светом, что не только дошедшим, но еще не вошедшим предлагает себя для обитания и обещает удовлетворить всем их пожеланиям, как и самая блаженная земля; но весьма часто привлекает к себе людей из самой гавани и удерживает их иногда на себе, давая им наслаждаться самою высотой, откуда им приятно с презрением смотреть на остальных. Впрочем, последние нередко напоминают идущим, чтобы они остерегались скрытых под водою скал, или чтобы не считали делом легким взойти к ним; и самым благосклоннейшим образом наставляют, как войти (в гавань), не подвергаясь опасности от соседства этой земли. Завидуя им в пустейшей славе, они показывают таким образом место надежнейшее. Под этою горою, которой должны опасаться приближающиеся к философии и вошедшие в ее область, здравый смысл дает разуметь не другое что, как горделивое пристрастие к пустейшей славе. До такой степени она не имеет внутри себя ничего плотного и твердого, что ходящих по ней гордецов погружает и поглощает в проламывающуюся хрупкую почву и, возвращая их в мрак, лишает светлейшего дома, который они почти уже видели.

Если это так, вникни, мой Феодор, – ибо в тебе я вижу и всегда чту единственного и наиболее способного человека, могущего удовлетворить моим желанием, – вникни, говорю, к какому роду людей из означенных трех я принадлежу, в каком месте я на твой взгляд нахожусь, и какого рода помощи я могу наверное ждать от тебя. Мне был двадцатый год моего возраста, когда в школе ритора я прочитал известную книгу Цицерона, называемую Гортензией, и воспламенился такою любовью к философии, что помышлял перейти к ней тогда же. Но как не было для меня недостатка в туманах, которые затрудняли мой путь; так долго, признаюсь, руководился я и погружающимися в океан звездами, которые вводили меня в заблуждение. Сперва удерживала меня от исследования этого рода некоторая детская робость; а когда я сделался бодрее, разогнал этот мрак и пришел к убеждению, что скорее следует верить учащим, чем повелевающим, – попал на таких людей, которым этот, воспринимаемый глазами, свет казался достойным почитания наравне с высочайшим и божественным. Я с этим не соглашался; но думал, что они скрывают под этим покровом нечто великое, что откроют когда-нибудь после. Когда, по рассеянии их, я ускользнул от них, особенно после того, как переплыл это море, мои рули, противоборствующие всем ветрам, долго среди волн держали в своих руках Академики. Затем пришел я в эти земли; здесь узнал северное созвездие, которому мог себя вверить. Из речей нашего священника, а иногда из твоих, я увидел, что не следует мыслить ничего телесного, когда мыслишь о Боге, равно и когда мыслишь о душе; так как это предмет один из всех – ближайший к Богу. Но, признаюсь, привлекательность женщины и служебной карьеры удерживала меня погрузиться немедленно в лоно философии: изведавши это, я полагал потом уже – что удастся немногим счастливейшим – устремиться на всех парусах и веслах в эту гавань, и там успокоиться. Прочитав же несколько книг Платона, жарким приверженцем которого я тебя знаю, и сопоставив с ними, насколько мог, авторитет тех, которые предали нам божественные тайны, я воспламенился до такой степени, что готов был обрубить все эти якоря, если бы не поколебало меня мнение некоторых людей. Затем, что больше оставалось, как не то, чтобы на помощь мне, предавшемуся пустым упражнениям, подоспела буря, считающаяся несчастьем? И вот меня охватила такая сердечная боль, что не будучи в состоянии переносить тяжесть той

профессии, которая, быть может, унесла бы меня к сиренам, я бросил все и привел разбитый в щепы корабль в желанное затишье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.